

РАБОТА ПОЛИТУПРАВЛЕНИЯ 1-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА В ОСВОБОЖДЁННЫХ РАЙОНАХ ПОЛЬШИ (АВГУСТ 1944 Г.)

© 2026

Кононов В.А.*Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Россия)*

Аннотация. Статья посвящена содержанию, формам и специфике деятельности 7-го отдела (специальная пропаганда) Политуправления 1-го Украинского фронта на территории восточных и юго-восточных районов Польши, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции 1944 г. Советские войска, следуя соглашению правительства СССР и Польского Комитета Национального Освобождения, воздерживались от вмешательства во внутреннюю экономическую, политическую, культурную и религиозную жизнь населения освобожденных территорий. Последнее испытывало на себе как тяжелые последствия германской оккупации, так и кровавые результаты обострения межнациональных отношений. Немецкие захватчики уничтожали местное польское и еврейское население, отнимали скот и другое имущество, угоняли жителей в Германию, в силу чего большая часть поляков встречала Красную армию как освободительницу. С другой стороны, взаимная ненависть поляков и украинцев, связанная с политикой как довоенного польского режима, так и германских оккупантов, приводила к поджогам, изгнаниям и прямому геноциду, который практиковали вооруженные формирования как ОУН–УПА, так и Армии Крайовой. В этих условиях политорганы 1-го Украинского фронта видели свою задачу в донесении информации о задачах Красной армии в Польше, об официальных документах советского правительства, в организации выпуска периодических изданий, ознакомлении граждан с культурой Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; освобождение Польши; 1-й Украинский фронт; политработа; спецпропаганда.

THE WORK OF THE POLITICAL DIRECTORATE OF THE 1ST UKRAINIAN FRONT IN THE LIBERATED AREAS OF POLAND (AUGUST 1944)

© 2026

Kononov V.A.*Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)*

Abstract. This article examines the content, forms, and specific activities of the 7th Department (Special Propaganda) of the Political Directorate of the 1st Ukrainian Front in the eastern and southeastern regions of Poland liberated from Nazi invaders during the Lvov-Sandomierz Offensive of 1944. Following an agreement between the Soviet government and the Polish Committee of National Liberation, Soviet troops refrained from interfering in the internal economic, political, cultural, and religious life of the population of the liberated territories. The latter experienced both the harsh consequences of the German occupation and the bloody consequences of the deterioration of inter-ethnic relations. The German invaders exterminated the local Polish and Jewish population, stole livestock and other property, and deported residents to Germany, leading most Poles to greet the Red Army as a liberator. On the other hand, the mutual hatred between Poles and Ukrainians, stemming from the policies of both the pre-war Polish regime and the German occupiers, led to arson, expulsions, and outright genocide, committed by armed forces of both the OUN–UPA and the Home Army. Under these circumstances, the political organs of the 1st Ukrainian Front saw their task as conveying information about the Red Army's missions in Poland, official documents of the Soviet government, organizing the publication of periodicals, and familiarizing citizens with the culture of the Soviet Union.

Keywords: the Great Patriotic War; liberation of Poland; 1st Ukrainian Front; political work; special propaganda.

Об освобождении Польши в годы Великой Отечественной войны писали многие авторы и авторские коллективы [1–3]. Однако всем этим работам присуща характерная особенность: освобождение Польши связывается в основном с Висло-Одерской операцией января–февраля 1945 г., в ходе которой Красная армия заняла польские территории к западу от Вислы. Между тем довольно значительные территории к востоку от нее были освобождены много ранее, в ходе Львовско-Сандомирской операции июля–августа 1944 г., но последняя традиционно рассматривается в контексте освобождения Западной Украины, что же касается Польши, то исследовательский интерес, как правило, притягивается к проблематике Варшавского восстания августа–сентября 1944 г. Между тем политическая и межнациональная ситуация в только что освобожденных польских районах была весьма непростой, и анализировать ее и принимать соответствующие меры было обязанностью не только военных комендантов, но и строевых политработников, так как вышеупомянутые районы находилась в тылу 1-го Украинского фронта. Думается, что исследование данной темы на впервые вводимом в научный оборот архивном материале из фондов Центрального архива Министерства обороны РФ является актуальным и своевременным.

13 июля – 29 августа 1944 г. войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева (30 июля к ним присоединились войска вновь созданного 4-го Украинского фронта под командованием генерал-полковника И.Е. Петрова) провели Львовско-Сандомирскую стратегическую наступательную операцию, ставшую шестым из «десяти сталинских ударов». В результате была разгромлена немецкая группа армий «Северная Украина» генерал-полковника Й. Харпе (уничтожено 8 дивизий, разбито 32). Враг понес тяжелые потери: еще до создания и вступления в боевые действия 4-го УФ противник потерял 200 тыс. солдат и офицеров; трофеями войск 1-го УФ стали 2200 орудий, 500 танков, 10 тыс. автомашин, 12 тыс. лошадей и много другого военного имущества. Всего же за время операции части маршала Конева уничтожили 335 тыс. немецких и венгерских солдат и офицеров (включая до 10 тыс. чел. из состава украинской добровольческой 14-й дивизии СС «Галичина»), взяли в плен 41 тыс. чел., захватили и уничтожили свыше 4 тыс. танков и более 900 самолетов. Войска 1-го Украинского фронта освободили Западную Украину и захватили стратегический плацдарм на левом берегу Вислы в районе Сандомира, который в дальнейшем был использован в Висло-Одерской операции января 1945 г., в ходе которой советские части вступили на территорию Германии [1, с. 466–468; 2, с. 234].

Между Германией и Западной Украиной лежала оккупированная немцами в 1939 г. Польша. После захвата часть западных польских территорий была включена непосредственно в состав рейха, остальные получили статус генерал-губернаторства, к которому после нападения гитлеровской Германии на СССР были присоединены дистрикт Галиция (часть УССР с центром во Львове) и округ Белосток. Население генерал-губернаторства было сегрегировано в правовом отношении в соответствии с этнической и расовой принадлежностью, при этом политика оккупационных властей строилась не только на терроре, но и на разжигании межнациональных противоречий [3, с. 215–216]. Когда в апреле 1944 г. войска 1-го УФ перешли к обороне на 440-километровом фронте от Луцка до Коломыи, заняв, таким образом, восточную часть дистрикта Галиция и угрожая уже непосредственно польским дистриктам Люблин и Краков, особенно значимым элементом немецкой пропаганды стал антисоветизм, а именно тезис о том, что СССР собирается коммунизировать Польшу, т.е. упразднить и экспроприировать частную собственность, ввести советскую власть, коллективизировать сельское хозяйство и т.п. В частности, в конце апреля в восточной Польше распространялись провокационные листовки на польском языке, где речь шла о том, что «в каждой деревне должны быть созданы комитеты сельской бедноты, в состав комитетов должны войти: безземельные, малоземельные и предводители батрачества», чьей задачей является организация содействия приближающейся Красной армии: собрать для нее продовольствие, лошадей и скот, не дать вывезти из помещичьих имений инвентарь и запасы, «ибо эти имения заменены на колхозы, вместе с колхозами будут представлять основу снабжения продуктами питания советских войск в стране» [4, с. 228–229].

На самом деле задачи советских войск на польской территории не имели никакого отношения ни к комбеддам, ни к колхозам. (Равно как и польских – ведь в освобождении Польши участвовала (в оперативном подчинении 1-го Белорусского фронта) 1-я польская армия, причем решая не только чисто военные задачи. Еще в конце апреля ее командующий и председатель Военного Совета генерал-лейтенант З. Берлинг (ранее последовательно командовал также сформированными на советской территории 1-й польской пехотной дивизией им. Т. Костюшко, 1-м корпусом польских войск в СССР и с марта 1944 г. 1-й Польской армией в СССР) обратился к Верховному Главнокомандующему Вооруженными Силами СССР И.В. Сталину с просьбой разрешить самостоятельно назначать военных комендантов и поручить им организовать муниципальные советы гражданского населения; Сталин согласился с этим предложением [4, с. 228; 5, с. 50]). В ходе наступательной операции 17 июля 1944 г. войска 1-го Украинского фронта (3-я гвардейская армия, конно-механизированная группа генерала С.В. Соколова, 13-я армия) вступили на территорию Польши. Фронтальной Военный совет издал обращение к населению, где говорилось, что «Красная Армия не ставит себе задачу присоединить к Советскому Союзу какую-либо часть польской земли или вводить в Польше свои советские порядки» [6, с. 268–269]; именно на этих принципах и была выстроена политика СССР в освобождаемых от фашизма странах Европы.

22 июля 1944 г. в освобожденном накануне советскими войсками первом польском городе Хелм был обнародован Манифест «К польскому народу» Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО; образован из делегатов Крайовой Рады Народовой – органа польских национально-патриотических сил, представлявших ряд левых и демократических партий, в качестве временного органа исполнительной власти). В документе провозглашались демократические свободы, утверждался союз с СССР и отвергались права лондонского эмигрантского правительства. 26 июля было опубликовано заявление Народного комиссариата иностранных дел СССР об отношении Советского Союза к Польше, где говорилось, что «Советское правительство не намерено устанавливать на территории Польши органов своей администрации, считая это делом польского народа. Оно решило ввиду этого заключить с Польским Комитетом Национального Освобождения соглашение об отношениях между советским командованием и польской администрацией» [7, с. 252; 8, с. 316–317]. В соглашении устанавливалось, что освобождаемые польские территории по мере завершения на них боевых действий переходили под гражданское управление и в юрисдикцию ПКНО, не исключая военнослужащих польских вооруженных сил и лиц, совершивших преступления против Красной армии. 31 августа 1944 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление № 6282, на следующий день разосланное в качестве директивы Генерального штаба командующим фронтами. В нем, в частности, утверждалось: «Имея в виду, что вступление советских войск в Польшу диктуется исключительно военной необходимостью и не преследует иных целей, как сломить и ликвидировать продолжающееся сопротивление войск противника и помочь польскому народу в деле освобождения его Родины от ига немецко-фашистских оккупантов, в районах, занятых Красной Армией, советов и иных органов советской власти не создавать и советских порядков

не вводить. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать, костелов, церквей и молитвенных домов не трогать. Установить дружественные отношения с органами власти, которые будут созданы на освобожденной территории Польским комитетом национального освобождения... Принадлежащая польским гражданам частная собственность, а также их личные имущественные права находятся под охраной советских военных властей и органов Польского комитета национального освобождения, а также Польской армии» [8, с. 333–334; 9, с. 33].

Заявлениями и директивами дело не ограничивалось. Еще до вступления на территорию Польши Военным советом 1-го УФ была организована специальная подготовка военных комендантов, которых учили работать с местными органами власти и выстраивать отношения с местным населением. Политработники и командиры вели подготовку личного состава, выступали с лекциями и докладами, разъясняли содержание освободительной миссии Красной армии, проводили беседы о необходимости уважения суверенитета и национального достоинства дружественного народа, о нормах поведения за рубежом. В процессе освобождения польских районов за соблюдением правопорядка следила фронтовая военная прокуратура: на 7 августа 1944 г. ей было возбуждено 100 дел по фактам допущенных военными правонарушений, более половины закончились осуждением обвиняемых. Из этого количества имелось 4 эпизода изнасилований и 1 случай убийства (на 1,2 млн чел. личного состава 1-го УФ), 20 эпизодов мародерства (присвоение лошадей и скота); в качестве противодействующих мер командованием был изменен порядок проведения заготовок, бойцам было запрещено рубить лес и т.д. Со своей стороны, польские националисты в лице отрядов Армии Крайовой и других вооруженных формирований, начиная с осени 1944 г. совершали преступления против Красной армии, нападали на советских солдат и командиров: с 1 августа по 25 ноября на 1-м Украинском фронте ими было убито 15 офицеров и 44 сержантов и рядовых, ранено 7 офицеров и 9 сержантов и рядовых, всего 74 чел. [6, с. 236, 270; 9, с. 33–35; 10, с. 27].

До начала сентября 1944 г. войсками 1-го Украинского фронта было освобождено около 78 тыс. км² территории Польши (юго-восток): Люблинское, почти полностью Белостокское и Жешувское воеводства, часть Варшавского и Келецкого воеводств – 22 уезда полностью и 4 частично, 237 волостей. Освобожденные районы имели преимущественно аграрный характер, имевшиеся промышленные предприятия мелкого и среднего типа главным образом были заняты переработкой продуктов сельского хозяйства – мукомольные, винокуренные, пивоваренные, сахарные, лесопильные, кирпичные и др. В районе Бжозув находились мелкие нефтяные промыслы, в ряде городов – железнодорожные мастерские. Крупных городов за исключением Перемышля на освобожденных территориях не было; преобладали мелкие и средние городки и местечки, население – торговцы, служащие, люди свободных профессий, бывшие офицеры; удельный вес промышленного пролетариата был невысоким. На селе же преобладало бедное крестьянство с незначительными наделами и примитивным уровнем хозяйства. Так, в Тарнобжегском уезде земля между хозяевами распределялась следующим образом: от 2 до 5 га – 70%, от 5 до 15 га – 5%, от 15 до 50 га – 2%, свыше 50 га – 23%. Наряду с этим в освобожденных районах имелись и крупные помещики, среди которых можно назвать графа Потоцкого, графа Тарноцкого и др.; с другой стороны, значительной была прослойка батраков [8, с. 317; 11, л. 66].

О политических настроениях местного населения в период сразу после освобождения рассказывают датирующиеся августом 1944 г. документы 7-го отдела (специальная пропаганда) Политуправления 1-го Украинского фронта (начальником 7-го отдела являлся подполковник Л.А. Дубровницкий, начальником Политуправления – генерал-лейтенант С.С. Шатилов). Главным объединяющим все классы, сословия, конфессии и национальности Польши моментом была жгучая ненависть к германским захватчикам. Во время немецкой оккупации политическая, экономическая и культурная жизнь польских городов и сел была почти полностью парализована. До прихода немцев в г. Жешуве было 850 торгово-промышленных предприятий, 14 учебных заведений, 4 костела, 3 клуба, 3 кинотеатра. Уже через несколько недель хозяйничанья фашистов в Жешуве осталось 150 предприятий, 4 школы, 1 костел. 15 тыс. евреев и 5 тыс. поляков были немцами истреблены; сам город немцы переименовали в Рейхсгоф, в городском музее все польские надписи были заменены немецкими. В ряде сел у крестьян вся земля и имущество были отобраны и переданы немцам, прибывшим из Германии, а также Румынии, Венгрии и др. стран. Например, в Мелецком уезде было отобрано скота только в 1943 г.: коров – 6200 голов из 9000, лошадей – 5600 из 7000, свиней – 1500 из 3000, овец – 400 из 400. В Тарнобжегском уезде в 1939 г. насчитывалось 35 тыс. голов КРС, в 1944 г. осталось 9 тыс., из 12 тыс. свиней осталось 500; немцы забрали почти всех лошадей, вырезали всю птицу. Из 69 тыс. жителей уезда 30 тыс. были угнаны в Германию; из 72 сел 10 были сожжены, еще 10 разорваны на строительство оборонительных сооружений. В Кельбшувском уезде (68 сел) захватчики выселили жителей из 38 сел и на их земле устроили полигон; в ряде населенных пунктов поселили немцев, дав им по 50–100 га польской земли.

Поэтому подавляющая часть польского городского и сельского населения встретила Красную армию как освободительницу от немецко-фашистского ига. Во многих городах и селах жители по своей инициативе строили арки на дорогах, где проходили советские части, и повесили на них флаги СССР, Польши, Англии и США, выходили встречать войска, предлагали угощения. В ряде мест жители оказывали помощь саперам в постройке мостов, дорог, подвозили боеприпасы, перевозили раненых. Большинство крестьян встретило Красную армию с восторгом. Но и среди помещиков встречались такие, кто, движимые чувством ненависти к немцам, приветствовал советские войска и оказывал им помощь. Так, в местечке Майданы помещик Пшевский подарил советской части 3 телят и заявил при этом: «Я даю трех телят для ваших солдат. Приезжайте, я дам еще мяса, только не пускайте к нам больше немцев. Если бы я был молодым, я пошел бы в польскую армию, чтобы принять участие в изгнании немецких захватчиков». В г. Рудник перед началом киносеанса выступил граф Тарновский, проживавший в своем имении неподалеку от города. Он приветствовал Красную армию как освободительницу Польши и призывал к помощи ей. Граф яростно ненавидел немцев и всюду де-

монстрировал свое отношение к ним, отказываясь говорить по-немецки. В г. Ланцуте около 100 местных жителей, в т.ч. монашки, приняли участие в оборудовании помещения для госпиталя № 380. Католические священнослужители, как и все поляки, питали ненависть к немцам, но в первые дни после прихода Красной армии часть духовенства, напуганная фашистской пропагандой, пряталась, не выходила на улицу. Вскоре ксендзы убедились в своей полной безопасности и уважении Красной армии к религиозным чувствам поляков и их отношение изменилось. Почти во всех костелах тыловой полосы освобожденных районов были отслужены молебны по случаю изгнания немцев. Ксендзы произносили проповеди, в которых выражали благодарность Красной армии за освобождение от немецкого гнета. В селе Гольцево ксендз Гладковский после богослужения обратился с проповедью к прихожанам и призвал их помогать Красной армии в ее борьбе с немцами; он закончил проповедь словами: «Да благословит вас Господь на сие светлое дело». Во время похорон в г. Лежайске капитана Красной армии Никонова, погибшего в боях с немцами, собралось много жителей города. Стихийно возник митинг, многие из жителей, присутствовавших на похоронах, плакали. Местный ксендз открыл окна костела и сопровождал похороны музыкой органа. Могила капитана Никонова жители украсили цветами, а ксендз попросил у командования части взять могилу под свой надзор и заверил, что над ней будет сооружен мраморный памятник.

Надо сказать, что при подходе советских частей прятались не только священники, но и часть крестьян. Перепуганные фашистской пропагандой, они боялись расправы со стороны Красной армии. Объяснялось это тем, что немцы, желая вызвать страх перед Советским Союзом, набирали в карательные отряды изменников – военнопленных узбеков, азербайджанцев и калмыков, которые грабили и насиловали польское и украинское население, вызывая у него страх перед Красной армией. Житель г. Лежайска Юзеф Белевский рассказывал: «У нас было много ваших изменников. Среди них были узбеки, калмыки и азербайджанцы. Это сволочи. Из них были созданы карательные отряды. Они грабили, насиловали польское население больше, чем немцы. Полячка Фус, мать нескольких детей, была изнасилована 16 калмыками. Польскую девушку 16 лет Пародек изнасиловали азербайджанцы. Многие узбеки были больны венерическими болезнями. И вот мы думали – придут русские к нам, а вместе с ними придут многие из этих народов. Что же тогда будет?».

Часть местного населения надеялась на то, что сразу по приходу Красная армия начнет вводить новые порядки. Так, в селе Тулигловы к советским бойцам обратились три польских бедняка с заявлением, что местный помещик перед тем, как удрать с немцами, раздал свой скот на сохранение крестьянам, а теперь приехал его управитель и собирает этот скот. «Нельзя ли, – заявили крестьяне, – раз пришла Красная армия, чтобы были установлены советские порядки?». Разъяснения бойцов, что советские войска не вмешиваются во внутреннюю жизнь Польши, не понравились крестьянам и они возмутились: «Значит, был помещик паном и останется им дальше». С другой стороны, имели место и прямые выпады против Красной армии. Так, один из жителей села Воля Потоцкого заявил: «Зачем вы сюда пришли, москали? Придется вам уходить, как в 1921 году. Приедет законное правительство из Лондона и Красную армию заставят уйти из Польши». Многие поляки, особенно из среды торговцев, интеллигенции, служащих, студенчества, были заражены шовинизмом, недружелюбным отношением ко всему русскому и советскому, что являлось результатом антисоветской кампании, которой занималась до войны польская пропаганда [3, с. 237–244; 11, л. 67–70, 94; 12].

Против СССР и Красной армии выступали сторонники лондонского эмигрантского правительства. На тот момент борьба имела преимущественно пропагандистский характер: во многих городах – Жешуве, Ланцуте, Ярославле, Томашуве, распространялись листовки, в которых умалялась роль Красной армии как освободительницы Польши, выпячивалась роль союзников и особенно Великобритании. Например, в «Воззвании к польской общественности» (листовке, выпущенной «Комитетом подпольной борьбы»), говорилось: «В результате объединенной стратегии союзников, советские войска очистили от немецких захватчиков больше половины польской территории. В общее усилие, которым создано настоящее положение дел, вложено также участие польских вооруженных сил в стране и за ее пределами. Поскольку мы видим перед собой только советского солдата, нам нельзя забывать о солдатах Великобритании и Соединенных Штатов, громящих гитлеровские силы во Франции, Бельгии, в воздухе и на море. Летчики союзников парализовали военную промышленность Германии, моряки удержали жизненные морские пути, по которым идет снабжение и питание для всех союзных войск. Приветствуя победоносные советские армии, мы видим в них представителя лагеря Союзных государств и рассматриваем их успехи как проявление мощи союзников». В листовках содержались требования присоединить Западную Украину и Западную Белоруссию к Польше и угрозы по адресу СССР в случае невозвращения этих территорий. В Жешуве подобных листовок 15.08.1944 г. было распространено около 3 тыс., причем распространяли их дети. Организованные после освобождения выборы местных органов власти тоже происходили в сложной политической обстановке. Сельская и частью городская беднота до этого в выборах участия не принимала, но на сей раз они проходили при большой активности населения. В состав городских и уездных национальных советов вошли рабочие, учителя, крестьяне, агрономы, адвокаты, купцы, ксендзы. При поддержке фронтовых политорганов во многие советы вошли депутаты от ПКНО, однако и сторонникам лондонского правительства удалось захватить местные органы власти в свои руки в г. Билгорае, Ярославле, Ланцуте, Томашуве, Яруве, Красноставе и во многих селах; монополии какой-то одной из политических сил установлено не было [11, л. 73, 87].

Однако наиболее острыми были не политические, а межнациональные противоречия. Освобожденные территории за Бугом, в междуречье Сана, Вислоки и Вислы, последовательно входили в состав разных государственных образований, исторически были населены смешанным польско-украинским (а до Второй мировой войны – и еврейским) населением. Отношения между этническими группами (в восточных и юго-восточных воеводствах Польши проживали также чехи, белорусы, русские; численность украинского меньшинства

на начало 1930-х гг. достигала 5 млн чел.) традиционно оставляли желать лучшего, а в военные годы не без помощи немецких оккупантов местами, особенно в районах, прилегающих к Западной Украине, дело дошло до взаимной резни и организованного геноцида. (Так называемая «Волынская резня» – массовые физические расправы украинских боевиков ОУН–УПА с польским населением, и ответные акции Армии Крайовой, в 1943–1944 гг. происходили не только на Волыни, но и в Восточной Галиции и ряде юго-восточных воеводств Польши [1, с. 615; 13, с. 555, 561]). Вступившие на польскую землю части Красной армии встретили следующую картину, зафиксированную в документах Политуправления 1-го УФ. Город Замостье: взаимоотношения между поляками и украинцами обострены до предела. Польское население, выселенное при немцах из уезда, желает вернуться на старое местожительство, но украинские националисты гонят его обратно, грабят и убивают. Имеет место взаимная резня. Томашув: отряды Армии Крайовой и украинских националистов нападают на местных жителей, отбирают скот и имущество. В Томашувском уезде несколько банд бандеровцев: в Магдаленских лесах до 1500 чел., другая – 600 чел., третья – 500 чел. Бандеровцы забирают у местных жителей скот и имущество, поджигают хлеб, препятствуют уборке, мобилизуют население в свои банды, убивают поляков, ведут антисоветскую и антипольскую пропаганду. Украинские националисты изгнали из местечка Телячин всех поляков; в свою очередь, поляки недружественно относятся к украинцам, считая их всех бандеровцами. Ярослав: гонения на украинцев проводятся под лозунгом борьбы с бандеровцами. Борьба приняла настолько острый характер, что в комендатуру г. Ярослава ежедневно приходят многие украинцы с просьбой оказать им помощь в выезде на советскую территорию. Грубешув: в уезде до 80% украинского населения, национальная рознь между поляками и украинцами обострена. Отряды Армии Крайовой терроризируют местное украинское население, в ряде районов поляки объявили украинским жителям, чтобы они не смели показываться на полях, иначе будут расстреляны. Факты стрельбы по украинцам на полях имеют место, поэтому во многих селах украинцы не выходят на уборку хлеба. Формирования Армии Крайовой также совершают налеты, грабежи, убийства, уничтожают хлеб на полях украинцев и т.п. [11, л. 77–80, 93].

По заключению офицеров-аналитиков 7-го отдела Политуправления Украинского фронта, обостренные отношения поляков и украинцев объяснялись как довоенными порядками в Польше, так и политикой немецких оккупантов. Из-за политики старого правительства украинское население дискриминировалось и, подстрекаемое своими националистами, с ненавистью относилось ко всем полякам вообще. В свою очередь, немцы усиленно натравливали поляков и украинцев друг на друга, провоцируя взаимную резню. Так, в колонии Теремница Грубешувского уезда в январе 1944 г. украинские националисты вырезали 20 чел. и сожгли 46 домов из 58. В свою очередь, поляки стали убивать по шесть украинцев за одного убитого поляка, сжигать по шесть украинских сел за одно сожженное польское село. В Грубешувском уезде в марте–апреле 1944 г. поляками были сожжены села с украинским населением Согрень, Михав, Торковица-Тугопа, Старое Село, Ошув, Жабче, Жернок, Подледув и другие. Население этих сел было частично уничтожено, частично разбежалось по лесам и только после освобождения соответствующих районов Красной армией уцелевшие жители стали возвращаться в родные места. Взаимная резня не прекращалась и после прихода советских войск. В пограничных районах с большим количеством украинского населения после продвижения частей Красной армии далее на запад вражда между украинцами и поляками усилилась, банды бандеровцев и формирования Армии Крайовой взаимно терроризировали население.

Настроения среди поляков определялись следующими положениями. Во-первых, «Польша для поляков». В некоторых местах Томашувского уезда поляки выдвигали требование о выселении украинцев за Буг. Владек Ясницкий из селения Дембино (украинские националисты убили здесь 76 поляков и сожгли 11 хат) заявил: «Как только будет самостоятельная Польша, всех украинцев надо выселить, а тех, кто резал поляков – расстрелять или посадить в тюрьму». Другой крестьянин из этого же села Юзеф Бурак высказался: «Украинцы так же мучили поляков, как и немцы, поэтому их всех надо изгнать из Польши. У меня они сожгли хату, увели двух лошадей и корову, убили брата и его жену. Я им этого не прощу». С аналогичными высказываниями выступали поляки из разных сел Грубешувского и Томашовского уездов. Во-вторых, «Все украинцы одинаковы». Многие поляки переносили свое отрицательное отношение к украинским националистам на весь украинский народ. Зигмунд Талерский из Жешува заявил: «Украинцы из Киева и из Харькова тоже украинцы. Поэтому они враги поляков». Подобное отношение к украинцам некоторые поляки переносили даже на бойцов Красной армии – украинцев.

Со своей стороны, украинское население жаловалось на тяжелый гнет, который оно испытывало со стороны поляков, и заявляло, что и сейчас живет в невозможных условиях. Одни украинцы видели выход в переселении в СССР. Так, крестьянин села Жабче Сафон Опанас заявил: «Мне 60 лет, но такой взаимной резни украинцев и поляков я никогда не видел и не переживал... И наш хутор сожгли поляки. Остались лишь чудом уцелевшие хаты. Нам не надо польской власти и ее армии. Я лучше уйду за Буг, к русским братьям». Многие украинцы из Томашовского и Грубешувского уездов старались получить пропуска через границу, стремясь таким путем спасти себя и свои семьи. Другие украинцы из упомянутых уездов видели выход в том, чтобы на этих территориях была установлена советская власть, которую они рассматривали как свою. Крестьянин Петр Бруха говорил: «Почему нас оторвали от Киева? Это наша столица. С поляками у нас нет жизни. Зачем нам жить с чужими. Возьмите нас к себе. Сталин должен сделать так, чтобы здесь была Россия».

Многие украинцы заявляли о своем желании служить в Красной армии и категорически возражали против их призыва в Войско Польское. Ход мобилизации показал, что украинцы, как правило, на призыв не являлись. Немногочисленные русские, находившиеся на территории освобожденных районов, также заявляли о плохом отношении к ним поляков и о своем желании выехать в СССР. Немногие оставшиеся в живых в Польше евреи чувствовали на себе неприязненное отношение польских антисемитов; так, по распоряжению мэра г. Красника 200 евреев, оставшиеся в расположенном в этом городе гетто, должны были покинуть его в

24 часа. Как подытоживалось в справке 7-го отдела Политуправления 1-го Украинского фронта о политических настроениях и политической активности населения освобожденных районов Польши, «суммируя все сказанное по национальному вопросу, необходимо прийти к выводу, что в освобожденных войсками 1-го Украинского фронта районах он является жгучей проблемой...» [11, л. 96–98]. (Фронтное политуправление делало, что могло, для разрешения этой проблемы, но это был не его уровень компетенции; позднее решение вопроса было найдено на межгосударственном уровне в виде соглашения между ПКНО и УССР об оптации населением – одновременном и добровольном переселении польских украинцев в СССР и советских поляков в Польшу [5, с. 95; 13, с. 563–564; 14, с. 217–218; 15, с. 97; 16, с. 24–31, 73–78; 17, с. 213–219; 18, с. 285–286]).

В такой непростой обстановке офицеры Политуправления 1-го Украинского фронта, армейских отделений, корпусных и дивизионных отделов вели работу среди населения освобожденных польских районов [19, л. 12, 121–122; 20, л. 82–87]. В августе 1944 г. политработниками были проведены десятки митингов и бесед, на которых присутствовали десятки тысяч человек, в целях разъяснения задач Красной армии на территории Польши. Сразу же по появлению советских частей в польских населенных пунктах, освобожденных от немцев, завязывались беседы между жителями и бойцами и офицерами. Работники политотделов 47-го и 102-го стрелковых корпусов проводили митинги и групповые беседы с населением уже через два часа после освобождения. Перед началом киносеансов и концертов проводились беседы на темы «Цели и задачи Красной армии в Польше», «Красная армия – освободительница польского народа от немецко-фашистских оккупантов». На те же темы читались доклады; на докладе на тему «О победах Красной армии и ее задачах в Польше» начальника политотдела 246-й стрелковой дивизии полковника Голубева в селе Неводное присутствовало более тысячи жителей. В центре пропаганды и разъяснительной работы находился документ «Заявление наркоминдела об отношении Советского Союза к Польше». Это заявление было распространено в количестве свыше 500 тыс. экз.; оно было расклеено на видных местах во многих населенных пунктах освобожденной территории. Свыше 100 передач было проведено через МГУ (мощные громкоговорящие установки) и ОГУ (окопные громкоговорящие установки); с помощью звукоустановок ежедневно передавались сводки Информбюро, тексты документов советского правительства, проводились музыкальные передачи. За тот же период было распространено агитлитературы для польского населения (на польском языке): органами Политуправления фронта и политотдела 60-й армии – 1,235 млн экз., Главного Политуправления Красной армии (ГлавПУРКА) – 184 тыс., всего 1,419 млн экз. Основную массу изданий на польском языке составляли официальные документы советского правительства и Польского комитета национального освобождения; два обращения были изданы к польскому населению в тылу немецкой армии, а для населения освобожденных районов Польши было выпущено 12 лозунгов. Практически в каждом селе были расклеены основные документы. В г. Дембнице документы были расклеены немедленно после его освобождения, еще не прекратился немецкий обстрел, как население уже собиралось вокруг витрин; в других населенных пунктах старшие инструкторы дивизионных политотделов расклеивали документы через 30–40 минут после того, как немцы были выбиты.

В 7-м отделе Политуправления было создано отделение по работе среди населения. Им был организован выпуск газеты на польском языке «Новая жизнь»; в августе 1944 г. вышло 5 номеров, до 10 сентября – еще 4. В газете разъяснялись задачи Красной армии в Польше, печатались и комментировались документы, освещались положение на фронтах и международные события. В последних номерах газета начала освещать местную жизнь, поместила несколько очерков и ввела отдел юмора. Газета распространялась через комендатуры и армейские политотделы. К продаже «Новой жизни» были привлечены местные жители, получавшие вознаграждение в размере 20% от цены газеты. О популярности издания свидетельствует тот факт, что газета захватывалась населением немедленно и продавалась перекупщиками по спекулятивным ценам (3–5 злотых вместо 50 грошей).

Большую популярность у населения завоевали советские кинофильмы (армейские дома культуры и дивизионные клубы их систематически демонстрировали) и выступления красноармейских ансамблей. По неполным данным, с 1 по 20 августа было произведено 55 киносеансов, которыми обслужено 40 тыс. чел. Было организовано 19 концертов, на которых присутствовали около 15 тыс. жителей. Насколько велик был интерес населения к концертам, показывает следующий факт: 18 и 19 августа 1944 г. в Жешуве для населения было дано два концерта Украинского государственного ансамбля песни и пляски. В первый день концерт был бесплатным; зал на 600 мест был переполнен, хотя о концерте оповестили только за три часа до его начала; каждый номер встречали продолжительными аплодисментами. На второй день была установлена плата – от 5 до 20 злотых за билет, но зал вновь был переполнен. Весь денежный сбор (свыше 3 тыс. злотых) был передан местным властям в фонд помощи бедноте [11, л. 48–58, 99–101].

Подытоживая, следует сказать, что руководство и сотрудники Политуправления 1-го Украинского фронта, в том числе его 7-го отдела, в августе 1944 г. впервые оказавшись за пределами советской территории в сильно пострадавших от немецких оккупантов и раздираемых политическими и национальными противоречиями районах Польши, достойно справились со стоявшими перед ними сложными задачами.

Список источников:

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 4. Освобождение территории СССР. 1944 год. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
2. Маковский В.Б. Львовско-Сандомирская наступательная операция: взгляд спустя семь десятилетий // Великая Победа: в 15 т. Т. 12: Освобождение. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 222–236.
3. Гаврищук В.В., Гужва Д.Г., Климов А.А. Освобождение Польши: трудный путь от вражды к сотрудничеству // За мир без нацизма: Красная Армия – освободитель Европы. 1944–1945 гг. / отв. ред. С.И. Филоненко. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2025. С. 214–252.

4. Советская пропаганда на завершающем этапе войны (1943–1945 гг.). М.: Политическая энциклопедия, 2015. 398 с.
5. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х тт. Документы. Т. 1. 1944–1948 гг. М.: Рос-сПЭн, 1999. 687 с.
6. Конев И.С. Записки командующего фронтом. 1943–1944. М.: Наука, 1972. 381 с.
7. Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. 320 с.
8. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3–1). СССР и Польша. М.: Терра, 1994. 566 с.
9. Белов С.И., Никифоров Ю.А. Правовое регулирование взаимоотношений военнослужащих Красной армии и гражданского населения Польши в период 1944–1945 гг. // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 31–38.
10. Белов С.И. Характеристика потерь личного состава, понесенных Красной армией в результате атак польских националистов в первый период освобождения Польши от немецкой оккупации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–3 (60). С. 25–28.
11. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 32. Оп. 11306. Д. 543.
12. Другая Варшава: о чем свидетельствуют рассекреченные документы об освобождении Польши Красной армией [Электронный ресурс] // Бессмертный полк. <https://polk.press/articles/evropa/drugaya-varshava-ochuom-svidetelstvuyut-rassekrechennye-dokumenty-ob-osvobozhdenii-pol-shi-krasnoj-armiej>.
13. Носкова А.Ф. Украинские националисты накануне и в годы Второй мировой войны: идеи, действия, послевоенные итоги // Великая Победа: в 15 т. Т. 12: Освобождение. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 554–568.
14. Шмигель М. Обмены населением СССР с Польшей и Чехословакией в 1944–1947 гг.: аналогии и различия эры политического переселения народов // Запад – Восток. 2017. № 10. С. 214–230. DOI: 10.30914/2227-6874-2017-10-214-230.
15. Мельтюхов М.И. Изменение западных границ Советского Союза во время Второй мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2018. № 4 (15). С. 85–106.
16. Советский Союз – Народная Польша. 1944–1974. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1974. 664 с.
17. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII: Январь 1944 г. – декабрь 1945 г. М.: Наука, 1974. 680 с.
18. Андрухов О.И. Украинско-польский трансфер гражданского населения в 1944–1946 гг.: историко-правовой анализ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 5. С. 285–290.
19. ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 21.
20. ЦАМО. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Кононов Владислав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России; Воронежский государственный педагогический университет (г. Воронеж, Россия). E-mail: vspihist@rambler.ru.</p>	<p>Kononov Vladislav Alexandrovich, candidate of historical sciences, associate professor of History of Russia Department; Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia). E-mail: vspihist@rambler.ru.</p>

Для цитирования:

Кононов В.А. Работа Политуправления 1-го Украинского фронта в освобождённых районах Польши (август 1944 г.) // Самарский научный вестник. 2026. Т. 15, № 1. С. 130–136. DOI: 10.55355/snv2026151209.